

Наум Абрамович, почему все-таки специалиста по боеприпасам направили на производство репродукторов?

- Наверное, потому, что я разбирался в лодочных моторах... Дело было так: с 14 лет я работал на стройке разнорабочим. Освоить школьные науки не пришлось, но к тому времени появилось полезное изобретение - рабфак. На стройке я не ленился, меня как передовика на этот рабочий факультет и приняли. Оттуда была прямая дорога в Институт сельхозпроизводства, где мне сразу начали платить повышенную стипендию, потому что я считался пролетарием. Но поднимать сельское хозяйство не пришлось: в 1936 году страна нацелилась покорять Пятый океан, и меня направили в Оргавиапром, бывший Центральный институт труда, которым руководил поэт и ученый Алексей Гастев. Время было сами знаете какое, начальство во главе с директором арестовали, институт начал быстро разваливаться. Зато я уже успел разобраться, что такое двигатель внутреннего сгорания, и потому без работы не остался, оказавшись на заводе лодочных моторов. Там, видно, тоже врагов хватало, и после очередной чистки выяснилось, что, кроме меня, недавнего студента, руководить производством некому. Так в 26 лет я стал главным инженером. Однако в 1939 году началась война с финнами, и стране потребовались боеприпасы. Вместо моторов с конвейера пошли снаряды. Ну а вскоре понадобились репродукторы, и обо мне снова вспомнили.

- Здесь, пожалуйста, подробнее...

- Направили меня на радиозавод имени Красина. Слово «радио» в интересах сохранения гостайны вскоре исчезло, и завод стал механическим. Здесь мы и занялись теми самыми репродукторами с громким названием «Рекорд». Главные мои заботы сводились к тому, как из ничего сделать что-то. Заводы отправились на восток, и раздобыть нужные детали было невозможно. Где взять магниты? Выход нашли - подобрали специальный сплав и потом намагничивали. А чтобы электрический сигнал превратился в звук, нужен резонатор. Пришлось и тут обходиться подручными средствами - растворяли в щелочи газеты, потом из этой массы делали плотную, литую бумагу. Так что можно сказать, тарелки, которые вскоре заполнили страну, говорили голосом не только Левитана, но и вчерашних газет.

Что же касается электроники, то изучать ее мне не пришлось, потому что тогда и науки такой не было. Но вот кандидатскую диссертацию я защищал именно по электронике. Тут очень помогла работа над первым отечественным супергетеродинным приемником, за которую я получил Госпремию.

- Что больше всего запомнилось из тех лет?

- Трудно сказать, всякое было... Вот, к примеру, случайная встреча со Сталиным, которая чуть было не закончилась для меня очень плохо. В 1948 году хоронили Жданова, и завод направил меня участвовать в почетном карауле. Вместе с замдиректора Жмуровым. Улицы были забиты, ехать трудно, в Дом союзов мы опоздали. Нас пропустили в длинный коридор, что идет вокруг Колонного зала, и сказали: садитесь у окна и не рыпайтесь. Пока не вынесут тело, мы вас не выпустим.

Потом милиционер куда-то отошел, а в это время из зала выскочила какая-то женщина и побежала в здравпункт. Вскоре вернулась обратно, но уже с врачом. А дверь осталась открытой. Мы с этим замдиректора были тогда очень крупными дураками и решили посмотреть, что там происходит. Тихонько зашли и стали у колонны. А тут вернулся милиционер и дверь за нами закрыл... Начали выносить гроб. Впереди - товарищ Сталин. Тут же и прославленный ас Кожедуб: поддержал гроб и подал Сталину на правое плечо, но сделал это неловко, и тот соскользнул на предплечье. У Сталина левая рука не работала, поправить не мог, и он отmaterил Кожедуба. Процессия прошла мимо нас, совсем рядом. Начальник Госконтроля Мехлис покосился на незнакомцев, но ничего не сказал. Вышли на Моховую и, окруженные двумя рядами солдат, направились к Кремлю. Следом и мы. Рядом со мной с одной стороны шел начальник Генштаба Антонов, а с другой - тот же Мехлис, ударить невозможно. Наконец, дошли. Гроб опустили в могилу, бросили землю, мы - тоже. И тут мне показало, что Мехлис присматривается к Жмурову (в отличие от меня он был высокий, представительный). К счастью, министра кто-то отвлек, а я шепчу Ивану Петровичу: присядь немедленно! Тот присел... Когда все закончилось, руководство отправило в Кремль, а челядь - и мы в том числе - осталась. И ведь как могли загреметь! Дока-

Наум ИОФИС:

ФОТО АЛЕКСАНДРА ВОЛОДИНА

Я - ВЛАДЕЛЕЦ КЛАДБИЩА ИЗОБРЕТЕНИЙ

«От Советского Информбюро!...» - во время Великой Отечественной эти слова разносились по стране из репродукторов, напоминающих большую черную тарелку. Радиоприемники были изъяты, чтобы народ не слушал вражескую пропаганду. Но как слушать свою собственную? И тогда Наум Иофис, главный инженер завода, выпускающего боеприпасы, получил важное партийное поручение...

Как удалось решить эту задачу, мы спросим у самого Наума Абрамовича, доктора технических наук, лауреата всевозможных премий, заслуженного изобретателя России. Он по-прежнему регулярно ходит на работу по Нагорной улице, где находится фирма «Роскардиоинвест». Только он здесь уже не директор по науке, как еще совсем недавно, а научный консультант. Возраст... Профессор его не скрывает: в апреле отметил 90.

зывать потом, что мы не диверсанты, а просто олухи.

- А как после радиоприемников на медицинские проблемы переключились?

- Это было уже гораздо позже, когда научились делать операции на сердце и ставить искусственные клапаны. Их мы покупали у американцев, причем платили очень дорого. Ясно, что доставались они только самому высокому начальству. Когда я захотел посмотреть такой клапан, то меня направили в 4-е главное управление Минздрава. Я пришел, объяснил задачу, тамшний начальник мне сказал: мол, эта штука стоит тысячу долларов и предназначена для руководства, а я вам ее так вот просто дам?

Короче говоря, он меня послал. Тогда я стал ломать голову, где найти образец. Через министерство обратились в соответствующие органы, чтобы достали его в США - перекупили, наняли шпиона или еще как... Им виднее. Те охотно взялись за ра-

боту и, конечно, не сделали: спустя много времени привезли не то, что надо.

Тогда у меня возникла мысль позвонить в Киев известному хирургу Амосову, с которым даже не был знаком. Тот меня выслушал, понял, что идея серьезная, и согласился дать самый неходовой образец, который давно лежал без дела.

В конце концов клапан мы сделали не хуже американского. В 1986 году большой коллектив медиков и конструкторов нескольких предприятий получил за это премию. Я тоже, но вскоре чуть было за решеткой не оказался... Мы уже начали выпускать этот клапан серийно, а тут однажды ко мне приходят люди в форме и говорят, что-де я спекулирую продукцией. И пояснили: в Ленинграде после операции умерла женщина, и у нее было наше изделие.

Я в недоумении: этого не может быть, мы же все клапаны пропускаем через первый отдел, ведем строгий учет... Стали проверять, через две недели говорят: вы

сделали один лишний клапан, вот документы. Я не мог ничего понять: мне лишний не нужен, а без меня его никто сделать не мог. Вот и сижу дома в тяжелых раздумьях. Потом выпил стопку водки и поехал в середине дня на работу. Понял, откуда неучтенный клапан: это тот самый, что мне дал Амосов. Звоню в Киев, академик хохочет. И написал справку, которая меня спасла.

Но откуда же взялся тот, ленинградский? Оказывается, у большой был приятель, который накануне операции привез ей клапан из США, где они свободно продавались. Так что наши разведчики зря мудрили - сходили бы лучше в аптеку.

- Не помните, кто впервые воспользовался вашим изделием?

- Как же, отлично помню. Я показал первый клапан нашему министру, тот пришел в восторг. А через несколько дней мне звонит профессор Кайдаш, главный хирург из Института имени Вишневского. Что же, го-

ворит, вы клапан свой не показываете? Приезжайте, мы его больному впошем.

Человек, которому собирались делать операцию, тяжело дышал и уже терял сознание. Это был 44-летний грузчик из винного магазина. Жить ему оставалось считанные дни. Однако операция прошла успешно. Пациент выздоровел и даже женился на медсестре, которая за ним ухаживала. У них родилось двое детей, а сам он продолжил работу на прежнем месте. Потом каждый год звонил мне в тот самый день, когда ему сделали операцию, и говорил: «Ну, Абрамыч, я еще жив!» Потом я ушел со своего завода, и связь прервалась.

- За клапан Ленинскую премию получили?

- Нет, за него - премию Совмина. А Ленинскую - за фианит, первый в мире искусственный минерал. Его так назвали в честь Физического института АН СССР, где он был впервые создан. Этот минерал применяют в основном в ювелирной промышленности, но с точки зрения науки это далеко не главное направление. Да и вообще мне бы хотелось о другом поговорить. Не этими известными работами хвастаться, а вспомнить о тех, что погубнут, когда меня не станет. Поэтому приглашаю, так сказать, на прогулку по кладбищу моих изобретений.

- Интересно...

- Видите, остался у меня один зрячий глаз. Когда-то сделали операцию, заменили в зрачках помутневшие хрусталики, но одна операция оказалась успешной, а другая - нет. Так вот, для операции используют алмазный скальпель - он не тупится. Но алмаз прозрачен, как и хрусталик, хирургу трудно работать. Тогда я предложил изготовить скальпель из фианита. Тот тоже прозрачный, однако мы умудрились получить черный. Сделали кустарным способом образец, успешно испытали в Институте глазных болезней. Только вот до промышленного производства не довели: завод «Эмитрон», где я проработал 40 лет, пал жертвой перестройки. Пропала и работа. Я даже патентовать ее не стал: ведь бумажка бесполезна, если забыто изобретение.

Вообще у нашего фианита много полезных качеств. С его помощью можно получить абсолютно чистый кислород. Образец установки сделан, но он никому не нужен.

А вот посмотрите на этот небольшой стерженек. В металлургии, чтобы правильно провести плавку, нужно знать, сколько в металле кислорода, иначе вместо стали может получиться чугун. Но анализ требует времени, и, пока вы его сделаете, состав в печи уже изменится. Мы придумали прибор - вот он, несложный химический индикатор. Помещаете его в печь, он через несколько секунд сгорит, но вы на своем приборе увидите все, что вас интересует. Лет 15 назад мы получили за него еще одну премию, и на этом все кончилось, никто прибор не использует.

- Почему?

- Потому что сначала его кто-то должен сделать. Не металлургам же этим заниматься, тут своя технология.

Там же история вот с этими маленькими шариками из керамики. Секрет в том, что они пустотелые, и надо уметь это делать. Я предложил их для термоизоляции космических кораблей, где очень велик перепад температур. Теплопроводность этого материала во много раз меньше, чем любого другого. Это тоже забыто. И фонарь для автомобиля, который бьет на 800 метров. И электронный множитель, над которым американцы в свое время ломали голову. Да разве все перечислишь...

Скажу только еще об одной уникальной методике. Она имеет прямое отношение к моему единственному глазу и потому особенно мне дорога. Четыре года назад врач обследовал этот глаз и сказал: началась дегенерация сетчатки, через полгода ослепнете. Если сделаем сложную операцию, то ослепнете через год. Вот такая перспектива... Тогда я пошел в библиотеку, взял книгу по офтальмологии, прошудировал ее и разработал гимнастику для глаза. И вот до сих пор он верно служит, даже зрение не ухудшается. Мне бы никто не поверил, но у меня есть документ, который подтверждает то, о чем я говорю. Эту методику тоже хочу кому-нибудь передать. Одному хирургу предложил, он сразу ухватился: мы, говорит, на этом с вами миллионы сделаем. А я возражаю: нет, из этого деньги выколачивать не надо, отдам только безвозмездно. Тот обозвал меня дураком - и мы рассорились.

- Трудно удержаться от глупого вопроса. Выходит, человек предлагает бесплатно столько полезных вещей - а стране не надо?

- Это сейчас не надо, когда кругом развал. Но я уверен, что придет новое поколение, возродится нормальная научная работа - и тогда о моих изобретениях, конечно, вспомнят. Хорошо, если это случится еще при моей жизни - тогда успею помочь.

Евгений КРУШЕЛЬНИЦКИЙ